

КОНЦЕПТ ЛОКАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ В ТРАНЗИТОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ

В. Е. Федоринов

*Военный научно-учебный центр Военно-воздушных сил
«Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» (г. Воронеж)*

С. Г. Вонсович

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко

Поступила в редакцию 21 марта 2013 г.

Аннотация: в статье рассмотрен концепт локальной демократии, возникающий в ходе политического транзита и возможности ее институционализации; исследованы корреляции понятий «демократия» и «местное самоуправление» в контексте транзитологической парадигмы; акцентировано внимание на изучении глубинных аспектов осуществления демократии в переходных обществах на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: политический транзит, транзитологическая парадигма, локальная демократия, консолидированная демократия.

Abstract: the article deals with the concept of local democracy arising in the course of political transition and the possibility of its institutionalization; the correlated concepts of «democracy» and «local government» in the context of the transitology paradigm are investigated: the accent is emphasized on the study of the deep aspects of the implementation of democracy in transitional societies in the former Soviet Union.

Key words: political transit, transitology paradigm, local democracy, consolidated democracy.

Процессы перехода постсоветских государств к демократическим формам правления как одного из вариантов политического транзита, распространение соответствующих стандартов и ценностей обусловили потребность в более глубоком теоретическом исследовании проблемы демократии на национальном и локальном уровнях. Это предполагает проработку зависимостей между ними в переходных обществах. Концептуальный анализ такой взаимосвязи позволит лучше раскрыть суть концепта локальной демократии, механизмы формирования консолидированных демократий в переходных обществах, определить границы и способы институционализации демократии, особенности протекания демократического транзита в целом.

Актуальность исследования локальной демократии в транзитивных обществах обусловлена необходимостью более глубокого осмысления понятий, институтов, условий и факторов, которые определяют содержание и суть локальной демократии.

Локальная демократия – концепт, связанный с понятиями «демократия», «местное самоуправление», «публичная сфера». Раскрыть содержание этого явления можно только во взаимосвязи с этими

понятиями. Распространение ценностей локальной демократии, ее образцов на практике является одним из элементов трансформационных процессов. Он способствует привлечению граждан к реализации государственной власти, в полной мере реализует право на политическое участие граждан, а значит, способствует консолидации демократии. Главной проблемой переходных обществ, в том числе в России и Украине, является проблема распределения компетенции государственной власти и самоуправления, требования к увеличению автономии территориальных единиц, реализация на практике принципа subsidiarity.

Исследователи современных демократических преобразований в мире выделяют два направления демократизации:

1) когда демократия постепенно занимает место глобальной идеологии (западный исследователь В. Дюги определяет ее не только как форму правления, но и как образ жизни);

2) когда глобализация актуализирует местный уровень власти, местную демократию, придавая ей первенство и в научных исследованиях, и в практической жизни страны.

Только в XX в. появляются целостные научные исследования проблем перехода, в частности, к де-

мократии. Это работы Р. Даля [1], Д. Горовица [2, с. 218–240], Ф. Шмиттера [3, с. 6–27], А. Пшеворского [4] и др. Из современных российских исследователей проблем демократии стоит упомянуть Ю. А. Крассина. Он анализирует концепции демократических преобразований и приводит возможный будущий сценарий развертывания демократии в России [5, с. 127–138]. Анализ концепции местной демократии в рамках политической теории стран Центрально-Восточной Европы осуществил А. Новоселов [6].

В современной транзитологической литературе одним из вариантов конечного этапа транзита определен вариант формирования консолидированной демократии. При этом консолидация демократии понимается в качестве своеобразного восходящего процесса от минимального, процедурного уровня, характерным для которого является формальное существование демократических институтов и процедур, до максимального уровня – структурного и многофакторного. На этом уровне предусматривается утверждение демократии в комплексе измерений – от поведенческого и ценностного к социально-экономическому, международному.

Согласно классической концепции Х. Линца и А. Степана [7], демократическая консолидация как форма транзита требует глубинных изменений на трех уровнях: поведенческом, ценностном и конституционном. По их мнению, о ее достижениях можно говорить тогда, когда в политике:

- не осталось влиятельных политических групп, которые бы пытались подорвать демократический режим;

- общество воспринимает демократические процедуры и институты как приемлемые механизмы регулирования социальной жизни;

- политические актеры привыкают к тому, что все социальные конфликты решаются согласно законам и процедурным институтам, определенными для этого в ходе демократического процесса.

На протяжении 1990–2013-х гг., наряду с институциональным подходом, научное распространение получила концепция политической культуры как инструментальная в объяснении факторов трансформации режимов на постсоциалистическом, постсоветском пространстве. Концепция утверждает, что политико-культурные ориентации обосновывают причины отклонения процесса демократизации от классических транзитологических схем. В связи с этим Р. Инглхарт подчеркивал, что демократию невозможно утвердить с помощью только институциональных изменений или манипуляций главенствующих элит; ее выживание зависит от ценностных установок граждан [8, с. 6].

Среди значительного числа имеющихся определений политической культуры довольно часто при-

меняемой является дефиниция, предложенная Л. Даймондом; под политической культурой он понимает свойственные тому или иному народу взгляды, установки, ценности, идеалы, чувства и оценки политической системы страны и своей роли в этой системе [9]. По убеждению Ж. Бокмеер, культура всегда отражает историческое наследие инклюзивной политики [10, р. 2417–2440].

Сравнительный анализ функционирования отдельных демократических институтов на уровне местного самоуправления осуществлен на примере соседних стран – России и Польши. Российский опыт по данной проблеме освещается в исследованиях российских ученых, в частности В. В. Дамье [11], Н. В. Мальковца [12], В. И. Чеботаревой и А. Загорской [13], И. В. Выдрина [14], П. П. Глущенко [15]. Исследователи много внимания уделили роли процессов самоуправления в становлении и функционировании демократии в процессе транзита.

Понятие «локальный режим» появилось в 1989 г. Тогда К. Стоун [16] определил его как неформальные рамки, в которых для принятия политических решений сотрудничают местные органы власти и частные структуры. При этом режим включает широкую трактовку коалиций: не только избирательных, но и на основе неформальных связей на различных уровнях.

Первые работы по теоретическому анализу локальной демократии в контексте транзитологической парадигмы, а также как феномена датированы концом XX в. В то время локальную демократию определяли как пространство для внедрения демократических образцов поведения; уже тогда активно привлекали механизмы представительской демократии – избрание локальных лидеров.

С точки зрения британского ученого Д. Бернса [17, р. 963–973], локальная демократия представляет собой систему осуществления власти на локальном уровне, при которой граждане имеют право и средства для контроля за деятельностью органов местного самоуправления и непосредственно участвуют в принятии решений. Д. Бернс считал, что местные органы не представляют всё общество, а поэтому граждане должны активно определять локальную политику – тогда местная власть будет более эффективной, более демократической.

Известный французский исследователь Ж. Марку в первом глобальном отчете о состоянии децентрализации и местной демократии определяет три измерения политики локального уровня: децентрализация, самоуправление и локальная демократия. При этом локальную демократию он понимает как способ реализации власти на локальном уровне [18, р. 305–313].

Венгерские ученые Г. Шовш и В. Зентаи определили локальную демократию несколько шире: как тип самоуправления, являющегося автономным, эффек-

тивным, открытым и представительным; функционирующим в среде гражданского общества и гарантированных для граждан политических прав [19, р. 1–12]. Главное преимущество местной политики – минимальная дистанция между управленцами и управляемыми – представителями легитимных органов власти и жителями общины. Локальный уровень осуществления политической власти не нуждается в институционализированных формах посредничества, в частности в партиях, и является таким, что может использовать приемлемые формы непосредственной демократии без медиации любых структур.

В научных кругах, начиная со второй половины XX столетия, ведется серьезная дискуссия относительно корреляции понятий «демократия» и «местное самоуправление» в условиях транзита. Одним из главных проблемных моментов в процессе транзита является соотношение автономности общества и универсальных демократических норм, действующих в единой общенациональной среде. Другими словами: не может ли автономная общность выработать такие нормы политического поведения, которые не соответствуют национальным стандартам? Эти сомнения артикулировал канадский ученый Г. Волен в работе «Идеология, демократия и основы местного самоуправления». Кроме того, он актуализировал вопрос об образцах поведения и ценностей политической культуры, которые могут отличаться от общенациональных [20, р. 377–395].

Другим проблемным моментом в теории политического транзита является вопрос об институционализации локальной демократии; этот процесс предполагает диффузию власти, что не устраивает политиков национального уровня. Авторитетные исследователи локальной демократии А. Кэмпбелл и А. Коулсон считают, что именно на местном уровне лучше мотивированными являются государственные служащие, и это предполагает возможность принятия консенсусных политических решений [21, р. 543–561]. Правда, локальная демократия имеет серьезные трудности в практической плоскости – сопротивление, которое оказывают политики участию граждан, сложность технологического обеспечения партиципаторной демократии, сомнения в легитимности решений, принимаемых вне механизмов представительной демократии (И. Брукс) [22, р. 45].

Таким образом, мировая литература по транзитологии направляет свои усилия на изучение глубинных аспектов осуществления демократии в процессе перехода. К их числу относятся различные проявления функционирования демократического процесса в целом и самоуправляемого в частности, локальной местной демократии и т.д.

Консолидированную демократию часто рассматривают как желаемый результат трансформационного

процесса. Х. Линц и А. Степан определили ее признаки: наличие демократических институтов, которые служат реальным инструментом разрешения социальных конфликтов (в соответствии с демократическими законами и процедурами), отсутствие политических актеров, желающих подорвать демократические принципы. Большинство исследователей согласны с тем, что главными предпосылками консолидированной демократии являются развитое гражданское общество и политическая культура как сфера действия политических ценностей, образцов поведения, доверия.

Как видим, чаще локальную демократию понимают как один из способов организации местного самоуправления, при котором:

- территориальная общность обладает автономией для удовлетворения собственных интересов;
- опирается на демократические ценности;
- используя демократические механизмы, вовлекает в принятие решений членов общности;
- реально использует инструменты прямой демократии.

Следует признать, что распространение практики локальной демократии можно назвать «тихой демократической революцией». Столь весомый аргумент приводят зарубежные политологи. По их мнению, «тихая демократическая революция» может предотвратить авторитаризм, способствовать формированию положительной мотивации служащих локального уровня, повышать политическую культуру граждан, соблюдение с их стороны демократических норм поведения, обеспечивать принцип субсидиарности и рассредоточение власти, легитимизировать власть.

В условиях транзита повышается значение процедурной регламентации порядка реализации всех институтов демократии, что предопределяет эффективность их действий. Важнейшими препятствиями для демократии являются ее формальность и нестабильность. Такие тенденции отражаются на общегосударственном и локально-региональном уровнях в переходных демократиях. Для анализа демократии и демократических процессов на региональном и локальном (местном) уровнях в западной науке используют, в частности, концепции нового регионализма, управления, социального пространства как естественно-социокультурного феномена, местной демократии.

Существенной в процессе транзита мы считаем классификацию институтов (форм) демократии по территориальному признаку на общегосударственные и местные. Сейчас весомую роль приобретает процедурная регламентация порядка реализации всех институтов демократии, что усиливает эффективность их действий. Формальность и нестабильность демократии являются наибольшими препятствиями для ее утверждения. Такие тенденции прослежива-

ются на общегосударственном и локально-региональном уровнях в переходных демократиях. Исследователи процессов самоорганизации утверждают, что самоорганизация воспитывается в обществе, начиная с самого низкого уровня – с местной общности. Это, в частности, утверждают российские исследователи В. Дамье [23], Н. В. Мальковец [12]. На таких же позициях стоит и украинский политолог Л. Бойко-Бойчук, акцентируя внимание на анализе политико-властного взаимодействия в территориальных общностях («громадах» – укр. – *Авт.*) современной Украины [24].

Стоит отметить, что общим для исследователей демократических преобразований, отстаивающих позиции институционализма, является их согласие с необходимостью начинать свои исследования, а значит, и «выстраивать» демократию на практике, начиная с самого низкого уровня власти, ближайшего к рядовому гражданину – с уровня местного сообщества.

Последние мировые саммиты Глобального демократического фонда и Мадридского клуба, объединяющих современных политологов и политиков-практиков мирового масштаба вокруг вопросов демократического развития (2005 г. – г. Женева и 2006 г. – г. Барселона), обращали внимание на два важных фактора, которые касаются трансформационных процессов, происходящих в переходных государствах на постсоветском пространстве. Первый – необходимость рассматривать демократию как управляемый процесс. Вторым фактором является роль образования в процессе становления демократии в государствах.

В частности, экс-президент ЮАР Фредерик де Клерк заметил: «В современных условиях мир стоит перед вызовом: нам нужно создать структуру и культуру для управления демократией и ее администрированием. Демократия – это не только система разделения властей, но и создание структур, которые делают невозможным злоупотребление, узурпацию этой власти государством. А это уже прерогатива отдельных правительств и государств. Адекватность реагирования на эти вызовы необходимо отслеживать, начиная с базовых, региональных уровней местного самоуправления». С ним соглашается К. Кэмпбелл – генеральный секретарь Мадридского клуба: «Демократия – это ограничение власти, а не демократические выборы. Если мы сосредоточимся только на демократических выборах, то это будет махинацией, которая будет оправдывать ту или иную группу людей, окажется более успешной во время предвыборной гонки» [25].

Основным выводом саммитов стало понимание того, что успех демократических преобразований в транзитивных государствах связан, во-первых, со становлением демократических институтов на местах как первоисточника произрастающей демократии в

обществе и, во-вторых, с необходимостью проведения масштабной просветительской кампании. Последняя должна быть направлена на воспитание у человека чувства свободы и политических прав, которые со временем приведут к эффективному гражданскому обществу и пригодятся для становления демократии в государстве.

Проблемам исследования новых измерений демократии в контексте транзита в современном глобальном пространстве был посвящен XX Всемирный конгресс Всемирной ассоциации политических наук (Фукуока, июль 2006 г.). Не случайно основной доклад этого форума вышел под названием «Работает ли демократия?». По мнению участников Конгресса, демократия сегодня сталкивается с вызовами, в основе которых лежат два взаимосвязанных процесса: революционные изменения технологической базы цивилизации и глобализация.

Первый процесс приводит к качественным изменениям в средствах производства, к внедрению инновационных технологий и распространению электронных средств коммуникации. «В распоряжении политических элит появляются достаточно эффективные инструменты манипулирования людьми, что, в свою очередь, ставит под вопрос возможность общности самостоятельно участвовать в политическом процессе, свободно решать свои дела и выбирать линию поведения. Как следствие, через демократический декор четко просматриваются контуры корпоративно-автократического правления» [5, с. 127]. Кроме территориального критерия, на который распространяется действие соответствующего конституционно-правового режима, можно выделить общегосударственную референтную демократию и локальную референтную демократию. В контексте данной статьи большее внимание мы уделим именно локальной референтной демократии, поскольку общенациональный уровень ассоциируется с референтной демократией.

Локальный уровень референтной демократии имеет действенный потенциал относительно качественных изменений в сфере местного самоуправления, поскольку именно местные референдумы конца XV столетия в Швейцарии стали предтечей референдумов и референтной демократии в мире. К тому же в ряде государств референтная демократия при отсутствии общегосударственных референдумов воплощается именно на локальном уровне, через проведение местных референдумов и создание для этого надлежащих правовых условий.

Что касается Украины, то Основной Закон страны [26], Закон «О всеукраинском и местных референдумах» [27], Закон «О местном самоуправлении в Украине» [28] в настоящее время не позволяют гражданам беспрепятственно и в полном объеме реализовать свое право на участие в местных референдумах. В част-

ности, в указанных нормах не закреплены четкие юридические механизмы решения на таких референдумах наиболее важных для территориальной общности вопросов, что приводит к зависимости «громады» после выборов от деятельности представительных органов местного самоуправления и государства.

Отметим, что переходный процесс, в том числе и к демократии, в каждой стране имеет свои особенности, а потому определить демократию на основании политической жизни какой-то отдельной страны практически невозможно. До сих пор нет единой теории демократии. Существует много форм демократии и практики их функционирования, в каждой стране форма демократии зависит от традиции государства, социально-экономических условий, политической практики. Пример Грузии четко демонстрирует, что ростки демократизации в обществе не смогут долго существовать, если люди не верят, что демократия является легитимной формой правления. В свою очередь, политические элиты должны быть убеждены в том, что демократия – форма правления, которая наносит меньше вреда обществу и им самим. Американский политолог А. Пшеворский считает, «что демократия – не единственный возможный итог процесса перехода»: когда приходит конец диктатуре, допустимы разные стратегии развития. Разрушение авторитарного режима может привести к диктатуре нового образца. И даже если демократическое государство уже вроде состоялась, оно не обязательно окажется жизнеспособным, так как только устойчивая демократия является одним из возможных методов процесса разрушения авторитарных режимов» [4, с. 62].

Для стран, имеющих тоталитарное или авторитарное прошлое (а Украина относится именно к этой категории), С. Хантингтон определяет четыре возможных варианта развития.

Первый – «трансформация» – переход осуществляется сильным правительством, которое играет ключевую роль в политическом процессе. Политический процесс включает фазы: появление реформаторов, приход к власти, либерализация.

Второй – «обратная легитимность» – замена реформаторов консерваторами, демократизация, в рамках которой происходит сближение власти и оппозиции.

Третий – «замена» – характеризуется полным разрывом с прошлым и окончательным устранением с политической арены бывших правителей, поскольку они олицетворяют консервативную власть и не признают оппозиции.

Для четвертого – «замещения» – характерно то, что «демократизация» осуществляется в ходе совместных действий правительства и оппозиции. Данкварт Растоу определил три ключевые предпосылки, при наличии которых демократия становится возможной:

широкий общественный консенсус относительно ценностей, наличие политического конфликта и выбор демократических процедур для его эффективно решения [29, с. 7].

Политические процессы в современном мире заставили теоретиков признать, что переход от авторитаризма к демократии нельзя полностью исследовать, измерить или определить его временные рамки. А всё потому, что демократизацию рассматривают как бесконечный процесс углубления и укоренения демократических процедур, а также утверждение и поддержание стабильности существования демократических институтов. В широком смысле процесс демократизации предполагает наличие политических и социальных изменений, направленных на становление и укрепление демократического строя. Для адекватной характеристики сущности политических процессов в транзитологической парадигме существует понятие «демократический транзит», которое не предусматривает обязательного перехода к демократии, а тем более к ее консолидированной модели. Данное понятие указывает лишь на тот факт, что демократизация представляет собой процесс с непредсказуемыми результатами: т.е. никто не может с уверенностью прогнозировать, какими будут последствия в каждом отдельном случае. В частности, неконсолидированные демократии представляют собой основу для выбора вариантов политической трансформации и способны на длительную стабильность. Понятие транзита, по мнению А. Мельвила, объединяет «любые по форме и содержанию процессы перехода от предыдущего, недемократического, состояния в другое» [30, с. 67].

Согласно позиции западного политолога Д. Битема, демократия – это политическое понятие, которое касается общеобязательных решений о правилах и политике той или иной группы, общества. Это понятие провозглашает, что такое решение должны контролировать все члены сообщества и оно является таким настолько, насколько этот контроль осуществляется [31, с. 58–64]. Для оценки уровня демократии процесс народного контроля над правлением нужно разделить на четыре пересекающихся измерения:

- а) свободные и честные выборы;
- б) открытое и подотчетное правительство;
- в) гарантированные гражданские и политические права и свободы;
- г) гражданское общество.

Проведение демократических выборов и переход власти к поставторитарным силам служат основанием для вступления переходного периода в новую фазу развития, но не являются залогом углубления демократических преобразований. Следствием неэффективных реформ может стать коллапс демократических институтов. Поэтому переход от авторитаризма к демократии нельзя считать полным без консолида-

ции демократических процедур и элементов. Вот почему консолидация является одним из возможных результатов демократизации.

В Украине данный процесс имеет особенности, влияющие на перспективы развития политического транзита и консолидированной демократии в стране. В отличие от многих других способов перехода, имевших место в XX столетии, в процессе транзита решаются одновременно четыре важные проблемы-цели, с которыми ни одна страна развитой (зрелой) демократии не соприкасалась: создание государства, нации, трансформация политической системы и маркетизация экономики.

Консолидированная демократия, будучи ключевой составляющей политического транзита, рассматривается нами как процесс преобразования случайных договоренностей, норм здравого смысла и конвенционных решений, возникающих между политическими элитами в период демократического перехода, в отношения сотрудничества и соперничества. В ходе консолидации достигаются согласие относительно процедуры смены правительства и гарантия того, что конкуренция за место во властной иерархии или возможности политически влиять будет честной и предсказуемой.

Наряду с институциональными предпосылками, которые создаются в переходный период, для консолидации демократии важны «правила игры», когда все задействованные политические силы предпочитают подчинение своих интересов и ценностей такому институциональному обустройству, которое не обязательно гарантирует успех им лично. Таким образом, консолидация предполагает не просто договоренность о правилах игры и соревнования за власть, а и фундаментальное и мотивированное ограничение власти. Целью консолидации демократии должна быть производительность режима. Последнее порождает вопрос о темпоральных рамках консолидационных процессов (существует мнение, что они длятся минимум двадцать лет – период, в течение которого должны смениться два поколения политиков).

Анализируя сказанное выше, можно отметить, что консолидация демократии означает усиление и стабилизацию демократического режима. Поэтому понимание того, каким образом достигается стабилизация демократического режима, очень важно для выяснения сути этого явления. Каким бы резистентным не оказалось состояние консолидации демократии, она не возникает ниоткуда; это состояние достигается. Основными направлениями консолидации демократии являются:

- 1) расширение круга основных политических акторов, придерживающихся демократических правил игры;
- 2) усиление поддержки демократического режима населением;

3) ослабление и маргинализация антидемократических альтернатив.

Первые два направления относятся к так называемой «позитивной» консолидации, третье – к «отрицательной».

Таким образом, демократия как система правления характеризуется политической конкуренцией, политическим участием, политическими и гражданскими свободами. Указанные компоненты являются переменными, не обязательно выступают в полном объеме и вариативностью своей полноты определяют меру полиархичности (согласно Р. Далю) системы правления, уровень ее демократичности.

Демократия как способ сосуществования граждан проявляется на четырех уровнях, различающихся между собой институциональной структурой:

- первый – уровень гражданина;
- второй – уровень общности;
- третий – уровень гражданского общества;
- четвертый – уровень государства.

Разделение на уровни условно, однако позволяет лучше понимать особенности функционирования демократии, особенно на уровне общности, где собственно и реализуется локальная демократия. Локальная демократия представляется составной частью процесса транзита в его демократическом измерении и, естественно, уровнем демократии. Это институциональный порядок организации власти в обществе, содержащий элементы самоорганизации, непосредственного участия граждан в публичной жизни. Зато переходные общества – те, которые провозгласили путь изменения политического режима и начали институциональную реформу политической системы.

Одним из завершающих этапов перехода является консолидированная демократия. Под этой категорией понимается процесс преобразования случайных договоренностей, норм здравого смысла и конвенционных решений, возникающих между политическими элитами в период перехода, в отношении сотрудничества и соперничества; достигаются согласие относительно процедуры смены правительства и гарантия того, что конкуренция за место во властной иерархии или возможности политического влияния будет честной и предсказуемой.

Рассмотренное нами положение о локальной демократии как концепта в условиях переходных обществ Украины и России предполагает следующие выводы:

во-первых, локальная демократия является условием и инструментом формирования консолидированной демократии. Эффективное функционирование локальной демократии может стать гарантом реализации интересов граждан, ограничивает центральную власть, а следовательно, может считаться отдельной ветвью власти (наряду с законодательной, исполни-

тельной и судебной), что имеет место в системе «сдержек и противовесов» власти;

во-вторых, в условиях успешности транзита необходимо наличие факторов, способствующих становлению локальной демократии в переходных обществах. Такими факторами могут быть как нормативные, так и политические. К нормативным мы можем отнести исторические традиции и образцы политического поведения, нормы права; к политическим – политическое участие граждан, реализацию принципа выборности органов местного самоуправления, распределение полномочий между государственной властью и самоуправлением, отношения между представительными и исполнительными органами местного самоуправления;

в-третьих, исходя из теоретического и эмпирического опыта стран Центрально-Восточной Европы, актуальным является факт, что эффективной локальная демократия может быть только в развитом гражданском обществе, которое поддерживает ценности кооперации и взаимопомощи, обладает инструментами артикуляции интересов; в ее основе должен быть собственный исторический опыт, а также необходимость учета особенности мировой политической культуры;

в-четвертых, основной формой локальной демократии могут быть местные инициативы. В качестве формы волеизъявления членов территориальной общины они включают инициирование рассмотрения сельским, поселковым, городским советом любого вопроса местного значения;

в-пятых, непрозрачность власти, коррупция, зависимость средств массовой информации, сложность доступа граждан к исчерпывающей, всесторонней и объективной информации и т.д. препятствуют становлению эффективной локальной демократии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Даль Р.* Введение в теорию демократии / Р. Даль. – М. : Наука, 1992.
2. *Горовиц Д.* Демократия в разделенных обществах / Д. Горовиц // Расы и народы. – М. : Наука, 1998. – Вып. 24.
3. *Шмиттер Ф.* Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии / Ф. Шмиттер // Полит. исследования. – 1996. – № 5.
4. *Пшеворский А.* Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке / А. Пшеворский ; ред. В. А. Бажанов. – М. : Рос. полит. энц. (РОССПЭН), 2000.
5. *Красин Ю. А.* Метаморфозы демократии в изменяющемся мире / Ю. А. Красин // Полит. исследования. – 2006. – № 4.
6. *Новоселов А. А.* Применение концепции «местной демократии» в современном процессе государственно-

го строительства европейских стран : автореф. дис. ... канд. полит. наук: спец. 23.00.02 «Политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии» / А. А. Новоселов. – Н. Новгород, 2006.

7. *Linz J.* Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America and Post-Communist Europe / J. Linz, A. Stepan. – Baltimore, 1996.

8. *Инглхарт Р.* Постмодерн : меняющиеся ценности и изменяющиеся общества / Р. Инглхарт // Полис. – 1997. – № 4.

9. *Даймонд Л.* Консолідація демократії і політична культура / Л. Даймонд // Демократія : антологія / упоряд. О. Проценко. – Київ : Смолоскип, 2005.

10. *Bockmeyer J. L.* A Culture of Distrust : the Impact of Local Political Culture on Participation in the Detroit EZ / J. L. Bockmeyer // Urban Studies. – 2000. – Vol. 37, № 13.

11. *Дамье В. В.* История анархо-синдикализма : краткий очерк / В. Дамье. – М. : Либроком, 2010.

12. *Мальковец Н. В.* Самоорганизация населения как важнейший фактор эффективности местного самоуправления / Н. В. Мальковец. – Режим доступа: <http://lpr.tsu.ru/Seminar/a0100/a013400.htm>. (дата обращения: 16.04.2012).

13. *Чеботарева В. И.* Социальная самоорганизация как условие развития местного самоуправления / В. И. Чеботарева. – Режим доступа: <http://home.novoch.ru/~azazel/texts/sbornikps/socselforg.html>. (дата обращения: 23.10.2011).

14. *Выдрин И. В.* Местное самоуправление в Российской Федерации. От идеи к практике : конституционно-правовой аспект : монография / И. В. Выдрин ; науч. ред. А. Н. Кокотов. – Екатеринбург, 1998.

15. *Глуценко П. П.* Муниципальное право / П. П. Глуценко, В. В. Пылин. – 2-е изд. – СПб. : Питер, 2005.

16. *Stone C. N.* Regime Politics Governing Atlanta. 1946–1988 / C. N. Stone. – Lawrence : University Press of Kansas, 1989.

17. *Burns D.* Can Local Democracy Survive Governance ? / D. Burns // Urban Studies. – 2000. – Vol. 37, № 5/6.

18. *Marcou G.* Postface Essay on the Clarification of Some Key Concepts and Methodical Problem / G. Marcou // Decentralization and Local Democracy in the World : First Global Report 2008 : United Cities and Local Governments, the World Bank. – 2008.

19. *Soós G.* Introduction / G. Soós, V. Zentai // Faces of Local Democracy. Comparative Papers from Central and Eastern Europe / ed. G. Soós, V. Zentai. – Budapest : OSI-LGPSRI, 2005.

20. *Whalen H.* Ideology, Democracy and the Foundations of Local Self-Government / H. Whalen // The Canadian Journal of Economics and Political Science. – 1960. – Vol. 26. – Iss. 3.

21. *Campbell A.* Into the Mainstream : local Democracy in Central and Eastern Europe / A. Campbell, A. Coulson // Local Government Studies. – 2006. – Vol. 32, № 5.

22. Brooks J. (Can) Modern Local Government (be) in Touch with the People? / J. Brooks // Public Policy and Administration. – 1999. – Vol. 14, № 1.

23. Дамье В. В. Рабоче-крестьянская самоорганизация и большевистская власть 1917–1921 / В. В. Дамье // Рабочий в XX веке : рос. опыт. – М., 2005.

24. Бойко-Бойчук Л. Конституційно-правовий статус територіальних громад в Україні : монографія / Л. Бойко-Бойчук ; за заг. ред. В. Ф. Погорілка. – Київ : Ін Юре, 2003.

25. Белецкий М. Барселонский «вирус демократии» / М. Белецкий – Режим доступа: <http://www.maidan-news.com/index.php?print=34219> (дата обращения: 12.03.2011).

26. Конституція України // Відомості Верховної Ради України. – 1996. – № 30. – Ст. 141 (Текст Конституції відповідає тексту, що існував до внесення змін Законом «Про внесення змін до Конституції України» № 2222-IV (2222-15) від 08.12.2004).

Военный научно-учебный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» (г. Воронеж)

Федоринов В. Е., доктор политических наук, профессор

E-mail: vadtek@yml.ru

Тел.: 8-910-344-34-19

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко

Вонсович С. Г., кандидат политических наук, доцент (докторант)

E-mail: vonsovyich@ukr.net

Тел. +38-050-562-99-03

27. Закон України «Про всеукраїнський та місцеві референдуми» // Відомості Верховної Ради УРСР. – 1991. – № 33.

28. Закон «Про місцеве самоврядування в Україні» : наук.-практ. комент. / за ред. д-ра юрид. наук., проф. В. Ф. Опришка. – Київ : Ін-т законодавства Верховної Ради України, 1999.

29. Растоу Д. А. Переходы к демократии : попытка динамической модели / Д. А. Растоу // Полит. исследования. – 1996. – № 5.

30. Мельвиль А. Ю. О траектории посткоммунистических трансформаций / А. Ю. Мельвиль // Полит. исследования. – 2004. – № 2.

31. Бітем Д. Головні принципи й показники демократичного аудиту / Д. Бітем // Визначення та вимірювання демократії / за ред. Д. Бітема ; пер. з англ. Г. Хомочко. – Львів : Літопис, 2005.

Military Scientific Training Center of Air Forces «Air Forces Academy named after Professor N. E. Zhukovsky and Yu. A. Gagarin» (Voronezh)

Fedorinov V. E., Doctor of Political Sciences, Professor

E-mail: vadtek@yml.ru

Тел.: 8-910-344-34-19

*Kyiv National University named after Taras Shevchenko
Vonsovyich S. G., Candidate of Political Sciences, Associate Professor (Post-doctoral)*

E-mail: vonsovyich@ukr.net

Тел. +38-050-562-99-03